

ФОРМИРОВАНИЕ ЖАНРА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ В ПРОЗЕ Н.М. КАРАМЗИНА

Национальная историческая проблематика занимает особое место в литературе сентиментализма. Интерес к ней был обусловлен эстетическими и идеологическими установками эпохи Просвещения: «Обращаясь к прошлому родной страны, просветители не забывали своей основной цели: воспитание чувств и ума читателей и рассказывали о событиях и героях, способных внушить уважение к семейным, а еще более к гражданским добродетелям»¹. Роль первопроходца в области русской исторической прозы принадлежит Н.М. Карамзину. Впервые к изображению русской старины писатель обратился в 1792 году, представив публике «Наталью, боярскую дочь». Однако анализ данного произведения, предпринятый в работах целого ряда исследователей, позволяет сделать вывод, что оно выдержано в привычных для писателя традициях жанра сентиментальной психологической повести.

Так, в основу сюжета здесь положена трогательная история любви двух молодых людей. Для эпохи допетровской Руси, времени, в котором разворачивается действие, подобный сюжет, выглядел несколько модернизированным. Но писателя это не смущало, поскольку, как справедливо замечает Ф.З. Канунова, он стремился не к художественному воспроизведению исторической действительности, но к раскрытию чувств героев, утверждению прекрасного в человеческом сердце². Для достижения своей цели писатель широко использует освоенные им к этому моменту способы изображения внутренней жизни персонажей. Подробный анализ этих способов сделан С.Е. Подлесовой³. Исследовательница отмечает, что, как правило, чувства героев передаются через внешнее описание их проявлений. Влюбленная Наталья отказывается от еды: «...чувствительная боярская дочь не хотела ни пить, ни есть, перестала спать и насилу ходить могла. Однако ж старалась таить внутреннее свое мучение, как от родителя, так и от няни» (635)⁴. Ожидая прихода красивого незнакомца, героиня нервничает, волнуется: «Она вставала, ходила, бралась за то и за другое, и четверть часа показались ей годом. Наконец дверь растворилась, и скрип ее потряс Натальину душу» (637). Волнение девушки выдает не только то, что она не находит себе места

в собственной комнате, но и кажущаяся ей бесконечность пятнадцати минут ожидания. В состоянии влюбленности героиня краснеет, бледнеет: «Наталья радовалась, краснелась, задумывалась, отвечала: «Да!», «Нет!» – и сама не знала, что отвечала» (636).

Психологическую роль в повести выполняет пейзаж. Пробуждению чувства любви в душе героини соответствует состояние окружающей природы: «Так жила боярская дочь, и семнадцатая весна жизни ее наступила; травка зазеленелась, цветы расцвели в поле, жаворонки запели <...> – и Наталья, сидя поутру в светлице своей под окном, смотрела в сад, где с кусточка на кусточек порхали птички и, нежно лобызаясь своими маленькими носиками, прятались в густоту листьев. Красавица в первый раз заметила, что они летали парами и скрывались парами. Сердце ее как будто бы вздрогнуло – как будто бы какой-нибудь чародей дотронулся до него волшебным жезлом своим!» (629). Мотив пары птичек появляется в повести дважды. Второй раз Наталья, уже став женой Алексея, любит птичками и сравнивает их с собою и со своим любимым: «Здесь, на кусточке, поют две птички – кажется, малиновки – посмотри, как они обнимаются крылышками; они любят друг друга так, как я люблю тебя, мой друг, и как ты меня любишь! Не правда ли?» (654). Использование сквозного мотива для прозы Карамзина не в новинку. Еще в «Бедной Лизе» в качестве такого мотива, связанного с образом главной героини, выступал букет цветов.

Складывается впечатление, что в интересующей нас повести Карамзин как бы собрал воедино многое из того, что было им уже накоплено, в этом отношении «Наталью...» можно рассматривать как своего рода итоговое произведение, завершающее целый этап творческой биографии писателя. Однако художник не ограничивается простым повторением найденного ранее. С нашей точки зрения, «Наталья, боярская дочь» открывает и новые перспективы эволюции Карамзина-психолога. Рассказывая о конкретных событиях жизни вымышленных героев, автор постоянно задается вопросами, выводящими его на уровень размышлений о закономерностях общепсихологического плана: «Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими, когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу, то есть говорили как думали?» (622). Автор обращается к читателю, стремится активизировать его сознание, побуждая к аналогиям между личными жизненными наблюдениями и излагаемыми событиями, переживаниями героев повести: «Читатель! Знаешь ли ты по собственному опыту родительские чувства? Если нет, то вспомни, по крайней мере,

¹ Орлов П.А. Русский сентиментализм. – М. Изд-во МГУ, 1977. С. 221.

² Канунова Ф.З. Из истории русской повести. (Историко-литературное значение повестей Н.М. Карамзина). – Томск: Изд-во Томского университета, 1967. С. 51.

³ Подлесова С.Е. Исторические повести Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» и «Марфа-Посадница, или покорение Новагорода»: особенности жанра, поэтика. Дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2000. С. 72.

⁴ Здесь и далее текст цитируется по: Карамзин Н.М. Избранные сочинения: В 2 т. / Под ред. В. Морозова. – М.; Л.: Худ. литература, 1964. Т. 1. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

как любовались глаза твои пестрою гвоздичкою, или беленьким ясином, тобою посаженным, с каким удовольствием рассматривал ты их краски и тени и сколь радовался мыслию: «Это – мой цветок; я посадил его и вырастил!», вспомни и знай, что отцу еще веселее смотреть на милую дочь и веселее думать: «Она – моя!» (628). Повествование в повести обретает, таким образом, аналитизм, ранее Карамзину не свойственный.

По замечанию Ф.З. Кануновой, иногда авторский комментарий почти буквально совпадает с психологическим процессом, происходящим в душе героини, и является своеобразным прообразом несобственно-прямой речи, получившей широкое распространение в русской реалистической литературе XIX в., например: «Наталье показалось уже мало того, чтобы смотреть на прекрасного незнакомца!.. ей захотелось слышать его голос, взять его за руку, быть ближе к его сердцу и проч. Что делать? Как быть? Такие желания искоренять трудно, а когда они не исполняются, красавице бывает грустно» (636)⁵. На наш взгляд, в таких случаях также можно говорить о попытке автора сделать некие обобщения, аналитические выводы из переживаний своей героини. В своих размышлениях автор постоянно идет от частного случая к общему. Именно общие законы внутреннего бытия человеческой души и оказываются главным предметом художественного постижения, а конкретная история Натальи и Алексея – лишь одно из многих частных проявлений этих законов.

Обратим внимание и еще на одну особенность карамзинского психологизма в «Наталье»: писатель явно стремится перейти от простой фиксации конкретного эмоционального состояния персонажей к художественному воплощению сложных психологических процессов. Ф.З. Канунова обнаружила такие попытки в развернутых психологических характеристиках, свидетельствующих о внутренней борьбе, происходящей в душе героев⁶. Вот пример такой характеристики: «Наталья, по уходе своего любовника, стояла несколько минут неподвижно; на лице ее видны были знаки сильных душевных движений, но не сомнения, не колеблемости, – ибо она уже решилась! И хотя тихий голос из глубины ее сердца, как будто бы из отдаленной пещеры спрашивал ее: «Что ты делаешь, безрассудная?», но другой голос, гораздо сильнейший, в том же самом сердце отвечал за нее: «Люблю!» (641). Слово «люблю» здесь играет ключевую роль, чувство берет верх над доводами разума.

Стремясь глубже заглянуть в душу героини, автор активно обращается к мотиву сна. Сны, согласно К. Юнгу, – это маленькая открытая дверь в самые сокровенные и самые загадочные тайники души⁷. Наталья часто находится в странном пограничном состоянии между сном и бодрствованием, целиком погружившись в неясные ощущения, пред-

чувствия: «Например, часто казалось ей (не только во сне, но даже и наяву), что перед нею, в мерцании отдаленной зари, носится какой-то образ, прелестный, милый призрак, который манит ее к себе ангельскою улыбкою и потом исчезает в воздухе. «Ах!» – восклицала Наталья, и простертые руки ее медленно опускались к земле» (631). Сон помогает выразить сложные, тонкие нюансы внутреннего состояния героини, не поддающиеся четким и ясным словесным определениям, но важные для понимания процессов, происходящих в ее душе. Героиня томится, ждет каких-то важных перемен в своей жизни и оказывается психологически готова влюбиться в героя еще до того, как встреча с ним состоялась. В сам момент встречи происходит лишь «узнавание», фактически осознание того, чем давно уже заполнено подсознание персонажей: «Наталья в одну секунду вся покраснелась, и сердце ее, затрепетав сильно, сказала ей: «Вот он!..» (632).

Таким образом, в повести намечаются дальнейшие перспективы художественных поисков Карамзина-психолога: с одной стороны в ней явно обнаруживается тенденция к усилению аналитизма, а с другой – интерес к тонким, сложным, «невывразимым», неясным ощущениям, стремление найти словесные формы их выражения.

Однако с точки зрения интересующей нас проблемы формирования исторической разновидности жанра повести в творчестве Карамзина, очень важным представляется наблюдение С.Е. Подлесовой, обратившей внимание на стремление писателя не только рассказать о том, что чувствуют и о чем думают герои, но и показать их в действии⁸. Алексей и Наталья участвуют в крупных исторических событиях. Зачем понадобилось Карамзину вводить в повествовательную ткань произведения исторический фон? Думается, что это продиктовано желанием как можно ярче и глубже проникнуть в характеры героев, ведь именно в такие напряженные моменты, требующие от человека предельной сконцентрированности, душа его раскрывается полно и мощно. Пока Карамзина интересует не само событие, а настроение героев, связанное с ним. Например, участие Алексея и Натальи в отражении нашествия литовцев на Русское царство помогает раскрыть силу любви молодых супругов, их трепетное отношение друг другу. Наталья не хочет оставлять мужа в опасности одного: «Итак, ты хочешь меня оставить? Хочешь моей смерти? Потому что я не могу жить без тебя. <...> Кто защитит тебя?.. Нет, ты возьмешь меня с собою – или бедная Наталья не мила уже сердцу твоему?» (656). Как отмечает Ф.З. Канунова, у Карамзина историческая деятельность героя – эпизод, подчиненный полностью задаче раскрытия его интимного любовного чувства⁹. По замечанию О.Б. Лебедевой, «идеальная романическая история любви окружена не идеализированным, а идеальным историческим

⁵ См. Канунова Ф.З. Из истории русской повести. (Историко-литературное значение повестей Н.М. Карамзина). С. 80.

⁶ Там же. С. 80-81.

⁷ Юнг К.Г. Глоссарий // Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. – Киев: Изд-во «AigLand», 1994. – С. 379.

⁸ Подлесова С.Е. Исторические повести Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» и «Марфа-Посадница, или покорение Новгорода»: особенности жанра, поэтика. С. 132.

⁹ См. Канунова Ф.З. Из истории русской повести. (Историко-литературное значение повестей Н.М. Карамзина). С. 80-81.

мирообразом, – следовательно, в повести «Наталья, боярская дочь» антропологическое поле русской психологической прозы расширяется за счет исторического колорита повествования, имеющего психологический и характерологический смысл...»¹⁰.

Итак, исторический колорит в «Наталье, боярской дочери» призван, прежде всего, выполнить психологическую функцию. Но, вводя в сюжет повести исторический фон, Карамзин тем самым резко раздвинул его пространственно-временные рамки, повествование утратило камерный, интимный характер, частная жизнь героев оказалась вписанной в горизонты отечественной истории. Отсюда – усложнение проблематики. Пожалуй, впервые Карамзин задумывается о взаимоотношениях между обычным человеком и государством, нацией. Алексей Любославский отправляется на войну с литовцами, потому что остро чувствует свою ответственность перед Родиной. Несмотря на опальное положение, он верен царю и Русскому царству.

Одним из достижений Карамзина в повести «Наталья, боярская дочь» исследователи считают и постановку проблемы художественного воплощения образа русского человека: «От нас <...> не должно укрыться то, что появилось в карамзинской повести впервые. <...> Карамзин сделал попытку воссоздать русский национальный характер, открывая историю, как предмет изображения»¹¹.

По-видимому, именно в этой повести Карамзин создал первый в отечественной литературе привлекательный образ русской девушки – натуры глубокой и романтической, непосредственной и самоотверженной. Вл. Муравьев видит в Наталье предшественницу пушкинской героини: «Он фактически дал первый эскиз Татьяны Лариной. Некоторые черты этого образа потом отзовутся в “Евгении Онегине”»¹².

Таким образом, несмотря на то, что основной сюжета более ранней повести являются любовные отношения между двумя молодыми героями, а исторические события лишь эскизно намечены и фактически выполняют роль экзотического фона душевных переживаний, Карамзин все-таки сумел сделать существенный шаг вперед не только в плане более глубокого художественного проникновения во внутренний мир человеческой души, но и приблизился в определенной мере к изображению исторической действительности. Обращение к художественному освоению культурно-исторического, национального материала было в высшей степени перспективным и определило направление дальнейших творческих поисков писателя.

Дальнейшее развитие данной тенденции мы обнаруживаем в повести «Марфа Посадница», где изначально акцентируется именно установка на

изображение известных исторических событий. Во вступлении, написанном от имени издателя, читаем следующее: «В наших летописях мало подробностей сего великого происшествия, но случай доставил мне в руки старинный манускрипт, который сообщаю здесь любителям истории и – сказок, исправив только слог его, темный и невразумительный ... Все главные происшествия согласны с историею» (690).

Таким образом, в основе сюжета «Марфы-Посадницы» – не частная жизнь, но исторический конфликт между Московским государством и Новгородом. Повесть рассказывает о великой драме смиряемого русским самодержавием города, о вольности и непокорстве, о сильной и властной женщине, величие которой проявилось в самые тяжкие дни как ее собственной жизни, так и жизни ее родины.

Степень глубины историзма «Марфы-посадницы» оценивается в литературоведении неоднозначно.

Так, по мнению Г.А. Гуковского, Карамзин не достиг подлинного историзма, так как не сумел показать исторической обусловленности убеждений человека¹³. Персонажи «Марфы-посадницы» мало похожи на реальных новгородцев, но напоминают античных героев, их республиканскими доблестями Карамзин восхищается в эстетическом плане, отвлекая «красивость» героини увлекает его сама по себе.

Иначе рассуждает Д.Д. Благой. С его точки зрения, произведение Карамзина уже с полным правом можно назвать исторической повестью, поскольку посвящено оно не изображению личной жизни героев, традиционная любовная тема в нем находится на втором плане, а основное внимание уделено историческим событиям, политической проблематике, что приводит к доминированию героического пафоса¹⁴.

В.И. Федоров не столь категоричен, он считает, что историзм в повести носит условный характер в силу того, что история используется Карамзиным как «средство решения общественно-политических вопросов современности»¹⁵.

С.Е. Подлесова также говорит об условном характере карамзинского историзма. По ее мнению, основной в повести является проблема характера, его объяснения с помощью изображения исторических событий¹⁶.

Очевидно, одна из причин отмеченных нами разногласий в интерпретации художественного замысла «Марфы Посадницы» заключается в том,

¹³ Гуковский Г.А. Карамзин и сентиментализм // История русской литературы. – М.: Л, 1941. Т. 5. С. 74.

¹⁴ Благой Д.Д. История русской литературы XVIII в. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1955. С. 425.

¹⁵ Федоров В.И. Историческая повесть Н.М. Карамзина «Марфа-Посадница» // Ученые записки Московского городского педагогического института имени В.П. Потемкина / Под ред. А.И. Ревякина. – М., 1957. Т. XLVII. Вып. 6. С. 109-129.

¹⁶ Подлесова С.Е. Исторические повести Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» и «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода»: особенности жанра, поэтика. С. 160.

¹⁰ См.: Лебедева О.Б. История русской литературы XVIII века: учебник. – М.: Высш. шк., Изд. центр «Академия», 2000. С. 385.

¹¹ Осетров Е. Три жизни Карамзина. – М.: Современник, 1985. С. 134.

¹² Муравьев Вл. Путем своего века // Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя. – М.: Московский рабочий, 1986. С. 28.

что, с одной стороны, исторические события действительно играют в сюжете важную роль, но, с другой стороны, вопреки утверждениям вступления, изображены они не достоверно. Особенно заметна авторская субъективность при сравнении повести с соответствующими главами «Истории государства Российского». П.А. Орлов подробно рассмотрел расхождение между изложением исторических фактов в повести и в историческом сочинении Карамзина¹⁷. Так, он заметил, что различна трактовка общественной жизни Новгорода в последние годы его вольности. В «Истории государства Российского» показана борьба между двумя партиями, из которых одна вполне открыто симпатизировала Москве, другая – поддерживала сепаратистские планы Борецких. В «Марфе Посаднице» все выглядит иначе. Новгородцы показаны как дружный воинский стан, сплотившийся вокруг Марфы. Лишь по мере нарастания трудностей, когда на город обрушиваются и военные неудачи, и голод, люди, слабые духом, начинают требовать присоединения к Москве.

В «Истории...» Карамзин неоднократно пишет о тайных переговорах Марфы с Литвой, с целью окончательного разрыва с Москвой. Текст этого соглашения приводится в примечаниях к VI тому. В повести Борецкая гордо отвергает льстивые предложения литовского посла, предпочитая остаться без помощи, нежели запятнать свою совесть изменой. В «Истории...» дважды приводятся примеры вероломства новгородцев в войне с Москвой, когда они, направляя к Иоанну послов для мирных переговоров, внезапно нападали на его войска. В повести военные действия Новгорода отличаются рыцарским благородством и прямоотой. В «Истории...» пятитысячная московская рать одержала победу над сорокатысячным новгородским войском. В повести — совершенно иное соотношение: войско Иоанна значительно превышает силы новгородцев. Карамзин знал о том, что Иван III не казнил Марфу, а заточил ее в монастырь. В «Истории...» указаны и место ее заключения, и год ее вполне мирной кончины. В повести Борецкая погибает на плахе, обнаруживая при этом большое самообладание. Описание казни насыщено эффектными подробностями. Последние слова Марфы – «Подданные Иоанна! Умираю гражданкою Новгородскою!...» (727) – звучат укором растерявшим республиканские доблести новгородцам. По мнению С.Е. Подлесовой, все эти изменения обусловлены авторской задачей: «Писатель не только сумел героизировать Марфу, он стремился объяснить ее характер»¹⁸. Психологический анализ в повести, по мнению исследовательницы, оказывается тесно связан с изображением обстоятельств. Драма Марфы обусловлена объективной логикой истории, и чем обаятельнее внутренний облик героини, тем убедительней звучит итоговый вывод: через систему событий, через конфликт и логику развития ху-

дожественного действия писатель проводит мысль о необходимости сильной, справедливой государственной власти. Но, потерпев политическое поражение, Марфа одерживает моральную победу: «В образе Марфы Карамзиным воплощена идея патриотизма, осознаваемая как верность идеалам свободы Новгорода, политические проблемы борьбы "вольного Новгорода" с Москвой (республика или монархия) и гибель Марфы на эшафоте обретают в повести этический смысл...»¹⁹. Как верно замечает Л.И. Сигида, образ Марфы, защитницы вольности, с большой силой созданный Карамзиным, был первым ярким героическим женским образом в нашей литературе. На смену герою, ограниченному сферой личных интересов, является новый герой, несущий в себе иные качества и оценивающийся писателем с позиций государственной пользы²⁰. Введя в русскую литературу новый тип героини, Карамзин внимательно всматривается в ее внутренний мир. Его интересует, что происходит в душе Марфы, как меняется ее мораль, нравственность, когда она получает политическую власть.

Таким образом, можно предположить, что, как и ранее, в «Наталье, боярской дочери», именно стремление глубже проникнуть во внутренний мир героини побудило писателя к изображению исторических событий как ведущего психологического фактора. Но в ходе работы над произведением авторская мысль обогащается и усложняется – от поиска закономерностей внутренней жизни человека он обращается к размышлениям над общими законами исторического бытия.

Исторические взгляды Карамзина вытекали из рационалистического представления о ходе общественного развития: история человечества есть история всемирного прогресса, основу которого составляет борьба разума с заблуждением, просвещения – с невежеством. Исторический конфликт между республиканским Новгородом и самодержавной Москвой выражен в повести прежде всего в противопоставлении двух сильных характеров: Марфы и Иоанна. С самого начала заявлено моральное и этическое равновесие борющихся сторон: «Как Иоанн величием своим одушевлял легионы московские, так Марфа в Новгороде воспалаляла умы и сердца» (718). Однако личного влияния оказывается недостаточно. Персонажи понимают, что для победы им необходима народная поддержка. Поэтому за народное мнение все время ведется борьба. В самом начале повести даны два обращения к новгородцам – сначала князя Холмского, потом – Марфы. Каждый из горящих стремится и логикой, и красноречием, и гражданской страстностью склонить на свою сторону народ, и после каждой речи Карамзин сообщает о реакции на нее слушателей. Таким образом, Карамзин, ища причины победы или поражения своих героев – исторических деятелей, приходит к мысли о важности народной поддержки.

¹⁷ Орлов П.А. Русский сентиментализм. С. 244-245.

¹⁸ Подлесова С.Е. Исторические повести Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» и «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода»: особенности жанра, поэтика. С. 160.

¹⁹ Сигида Л.И. Об истоках разочарования и скепсиса героев Карамзина // XVIII век: Искусство жить и жизнь искусства. – М., 2004. С. 327-344.

²⁰ Там же.

Но почему народ оставляет именно того персонажа, дело которого исторически бесперспективно? Ответ на этот вопрос дается в духе просветительской идеологии. Народ, по мысли Карамзина, – большая сила, требующая постоянного руководства, исполнен, наделенный детской душой и детским разумом. К этой мысли писатель неоднократно возвращается в своей повести. «Народ слаб и легкомыслен, – поучает Марфу ее муж Исаак Борецкий, – ему нужна помощь великой души в важных и решительных случаях» (703). На непостоянство и неблагодарность новгородцев жалуется и сама Марфа. «...Давно ли, – думает она, – сей народ славил Марфу и вольность? Теперь он увидит кровь мою и не покажет слез своих...» (724). И действительно, когда московское войско вошло в Новгород, «народ всегда любопытный, забыл на время судьбу Марфы: он спешил навстречу к Иоанну» (724). Но такое объяснение явно не удовлетворяет автора повести, он чувствует, что логика исторических событий обусловлена и какими-то другими факторами, но какими?

П.А. Орлов обратил внимание на то, что в ходе работы над повестью историческая концепция Карамзина меняется: «История нанесла жестокий удар просветительскому мышлению, и Карамзин выдвигает иррациональное, романтическое объяснение событий, управляемых роком, фатумом, судьбой. Отсюда в повести таинственность, зага-

дочность некоторых эпизодов <...> В связи с этим чрезвычайно ценными оказались для Карамзина легенды и предзнаменования, почерпнутые из новгородских летописей XV в.: разрушение башни Ярослава, на которой находился вечевой колокол; появление над Новгородом огненной тучи, тревога, овладевающая животными и птицами. Здесь религиозное сознание древних книжников своеобразно перекликалось с мыслями Карамзина о высшем промысле, управляющем событиями»²¹.

Таким образом, можно предположить, что в поисках все более глубоких закономерностей внутренней жизни человека, стремясь художественно исследовать различные психологические типы и их факторы, Карамзин приходит к пониманию глубинных связей между характером и историческими обстоятельствами, что, в свою очередь, побуждает его обратиться к осмыслению самих этих обстоятельств. Отсюда – необходимость не только стилистических, но и жанровых новаций в творчестве писателя. В частности, от психологической повести, долго являвшейся ведущей формой в творческой практике Карамзина, он органично обращается к повести исторической, первым образцом которой, видимо, и является «Марфа-Посадница».

---

²¹ Орлов П.А. Повесть Н.М. Карамзина «Марфа-Посадница» // Русская литература. – 1968. – № 2. – С. 199-200.